

ЮНГИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Полли

Янг-Айзендрат

Ведьмы
и герои

Юнгианская психология

Полли Янг-Айзендрат

**Ведьмы и герои. Феминистский
подход к юнгианской
психотерапии семейных пар**

«Когито-Центр»

1985

Янг-Айзендрат П.

Ведьмы и герои. Феминистский подход к юнгианской психотерапии семейных пар / П. Янг-Айзендрат — «Когито-Центр», 1985 — (Юнгианская психология)

ISBN 0-919123-17-1

Почему разрушаются близкие отношения между мужчиной и женщиной? Почему через несколько лет после заключения брака наступает явный или скрытый кризис? Можно ли вообще супругам сохранить длительные близкие отношения в современном обществе? Как этого достичь? Это всего лишь несколько из множества актуальных вопросов, связанных с широким спектром отношений между мужчиной и женщиной, которые подробно обсуждаются в этой книге. Автор книги, руководствуясь глубинной психологией Юнга, концепцией развития личности Салливена и феминистским взглядом на положение женщины и мужчины в современном обществе, разработала эклектическую концепцию терапии семейных пар, которую в течение более 20 лет с успехом применяет на практике. В книге приведена подробная методология терапевтического процесса, обозначены самые типичные и самые сложные проблемы, с которыми сталкиваются психотерапевты, и даются конкретные рекомендации начинающим терапевтам. Книга рекомендуется для широкого круга читателей, интересующихся вопросами межличностных отношений, а также практическим психологам, занимающимся индивидуальным и семейным консультированием. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 0-919123-17-1

© Янг-Айзендрат П., 1985

© Когито-Центр, 1985

Содержание

Выражение благодарности	7
Предисловие к русскому изданию	8
Глава 1. Использование фольклора в психотерапии	11
Значение архетипической фемининности	14
Сэр Гавейн и леди Рагнель: чего действительно хочет женщина?	18
Испытание изменением	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Полли Янг-Айзендрат

Ведьмы и герои. Феминистский подход к юнгианской психотерапии семейных пар

Polly Young-Eisendrath

HAGS AND HEROES

A Feminist Approach to Jungian Psychotherapy with Couples

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, оформление, 2005

Печатается с разрешения Inner City Books.

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

Выражение благодарности

Этот проект был успешно осуществлен мною в тесном сотрудничестве с Эдом Эпстайном, моим котеерапевтом. Мы с Эдом отыскивали чудесное средневековое сказание о сэре Гавейне и леди Рагнель, попытались интуитивно осмыслить его, а позже нашли ему практическое применение в интерпретации отношений между супругами. Мы провели терапевтическую работу со многими супружескими парами в поисках подхода к восстановлению доверия и единения в любовных отношениях. Эти пары научили нас многому, о чем написано в этой книге; и нам самим удалось исцелиться множество раз. Мы оба благодарны нашим клиентам – супружеским парам, которые доверились нам и получили представление о том, как «выбраться из непроходимой чащи» отчаяния и одиночества.

Я выражаю глубокую благодарность Конни Секарос за кропотливую редакторскую работу над рукописью этой книги. Ее знание юнгианской психологии и организаторские способности заслуживают самой высокой оценки и самых теплых слов.

Мои дорогие друзья из квакерского исследовательского центра Пендл Хилл в течение длительного времени создавали творческую рабочую атмосферу, когда я печатала рукопись этой книги по 12–15 часов в сутки. Именно в Пендл Хилл в течение долгого времени «хранились» плоды моего воображения, пока я не извлекла их на свет в этой комнате.

Все мои дети, Эмбер и Колин (которые живут со мной), Ноа (которая часто ко мне приходит), Аарон, Рэйчел и Арни (которые приходят не так часто) спокойно терпели мою невероятную занятость в течение многих лет. Более того, они постоянно побуждали меня выходить за рамки моих собственных идей и фантазий.

Я благодарна многим моим друзьям за идеи и рекомендации, но двух мне хотелось бы отметить особо. Флоренс Уэйдманн провела не один час, беседуя со мной о вкладе юнгианской психологии в феминизм и феминизма – в юнгианскую психологию. Демарис Уейр обогатила меня знаниями и воодушевила меня своей критикой некоторых юнгианских концепций, противоречащих идеалам феминизма. Фло и Ди были не только блестящими критиками – они были прекрасными подругами, когда мне требовалась сердечная поддержка. Эта книга отражает взгляды представителей юнгианского сообщества. Я надеюсь, что узнаю его мнение о пользе этой книги.

Предисловие к русскому изданию

Двадцать лет назад, взявшись за книгу «Ведьмы и герои», я только начинала частную психотерапевтическую практику и свою психологическую и академическую карьеру в хорошо известном женском колледже. Кроме того, одновременно я обучалась юнгианскому анализу. Эта небольшая книга, написанная очень быстро – в течение четырех месяцев, – по моему мнению, должна была открыть глаза известному мне сообществу семейных терапевтов в Филадельфии, штат Пенсильвания, на системный метод работы с семьями, основателем которого был доктор Сальваторе Минухин.

Этот вид семейной терапии был разработан для придания главной роли отцу в бедных латино-американских и афро-американских семьях, где мать была главой и кормильцем семьи, а зачастую – единственным взрослым, ответственным за воспитание детей. Минухин и его последователи вместе с матерью и детьми приводили в терапевтический кабинет отца и в процессе семейной терапии открыто принимали его сторону, соглашаясь с его взглядами и одновременно игнорируя мать и те мысли, которые она высказывала. Естественно, такое отношение было лестным для беспутного отца, и некоторое время он занимался делами семьи до тех пор, пока вновь не начинал тяготиться своими обязанностями и не пускался в бег. На систематических сессиях терапевты, уверенные в том, что мать и так обладает большой властью в семье, знает больше и берет на себя гораздо больше ответственности, обычно игнорировали ее мнение. Видя такое отношение терапевтов, мать приходила в ярость, теряла над собой контроль и вела себя как обычная стерва. Проблемы, связанные с половыми различиями, совершенно не принимались во внимание, и считалось, что такие матери обладают большей властью в семье, так как оказывают эмоциональное воздействие и давление на своих близких. Подобные утверждения приводили женщин-клиенток в смятение и едва ли не сводили их с ума.

Как феминистка и юнгианский терапевт, я могла видеть, что такие матери несли на себе негативные проекции, причиной которых являлись не их поведение, реальная власть или статус, а бессознательные фантазии и чувства наблюдателей. Это искажало их имидж: женщины должны быть сильными и властными, но они чувствуют себя подавленными, уставшими и уязвимыми. Меня беспокоило несправедливое отношение семейных терапевтов к этим женщинам: терапевты не обращали внимания на бессознательные комплексы, не были знакомы с теорией бессознательной психодинамики и не осознавали влияния мощных сексуальных стереотипов, лежащих в основе идеализации нами материнства и обесценивания женщин.

За несколько лет до появления книги «Ведьмы и герои» мы вместе с Эдом Эпстайном наблюдали за проведением терапии семейных пар – диадической терапии, которой мы продолжаем заниматься последние двадцать лет. Тогда я заметила, что у каждой пары всегда существует своя история или определенная психодинамика. Считалось, что женщина «сильнее, раздражительнее и энергичнее» мужчины: она казалась ведьмой, походившей на ведьм, в которых превращались матери – клиентки Минухина, когда их игнорировали или оставляли в стороне. И напротив, мужчина, пришедший с женой к психотерапевту, производил приятное впечатление, он казался обаятельным и выражал готовность оказать помощь. Он говорил, что пришел на семейную терапию потому, что этого захотела его жена. Заботливый супруг мог добавить, что устал смотреть на жену, находящуюся в состоянии глубокой депрессии, поэтому хочет только одного: чтобы жена была счастлива; он пришел вместе с ней в надежде, что его приход к терапевту ей хоть чем-то поможет. Таких мужчин мы называли героями.

Когда я думаю об этой типичной для 80-х годов прошлого века паре, мне вспоминается средневековая история, о которой я узнала десять лет назад: легенда о сэре Гавейне и леди Рагнелль. Я нашла ее в одной старой книге и как истинный юнгианский аналитик решила: пусть эта история меня научит. В книге «Ведьмы и герои: феминистский подход к юнгианской психоте-

рапии с семейными парами» я действительно обобщила все то, чему научила меня эта история. Разумеется, что-то я добавила: кое-что взяла из теории межличностного общения Салливена, что-то почерпнула в теории феминизма, в психодраме и теории объектных отношений, а также в концепции Юнга о психологических комплексах.

С тех пор как была опубликована книга «Ведьмы и герои», я написала еще две книги, касающиеся терапии семейных пар. В последней книге снова была использована история о сэре Гавейне и леди Рагнель; на этот раз мне хотелось продемонстрировать, насколько важны для счастья женщины ее автономия и личностный суверенитет. В обеих книгах я конкретизировала и раскрывала идеи, которые были сформулированы в первой моей работе «Ведьмы и герои», и особое внимание уделялось проблемам, связанным с тем, что женщины не стесняются заявлять о своей силе и желаниях, и тогда негативное отношение к ним неизбежно возрастает в связи с авторитетом и властью, которыми они обладают. С тех пор мною были написаны другие книги – о буддизме, человеческих страданиях, способности к быстрому самовосстановлению, но, тем не менее, я постоянно возвращалась к особой дилемме, с которой сталкиваются женщины, становясь самими собой в отношениях со своими детьми и партнерами.

Мне думается, что те предположения и выводы, к которым я пришла в книге «Ведьмы и герои», выдержали проверку временем. Я все так же уверена в том, что все мы должны принимать друг друга с учетом своей силы и своей слабости и что никого не следует называть сильным или слабым полом – ни женщин, ни мужчин. Я по-прежнему уверена, что мужчины и дети с трудом выдерживают проявление эмоций, выплескиваемых женщинами в своей семье, и что женщине намного сложнее утвердить свой авторитет, чем мужчине: и в семье, и на работе. Поэтому в любой социальной сфере существует огромное количество проекций, присущих «плохой» матери (ведьма, мегера, стерва, карга), а значит, имеется необходимость узнавать в них эмоционально заряженную фантазию и миф и не путать их с представлениями о реальной женщине.

После издания этой книги мой муж Эд Эпстайн и я начали обучение и супервизию терапии семейных пар, используя метод, известный под названием «диалоговая терапия». По существу этот вид терапии описан в книге, но основное внимание уделяется использованию переказа наряду с дублированием и другими психодраматическими методами. В следующей книге, написанной 10 лет спустя после выхода в свет моей первой книги «Ведьмы и герои», я рассказала о применении этого метода к четырем супружеским парам, которые, пройдя курс диалоговой терапии, изменили свое отношение к родительским обязанностям, сексу, деньгам, свободному времени; а самое главное, партнеры изменили свой взгляд друг на друга.

В течение многих лет обучения, супервизии и проведения диалоговой терапии я значительно продвинулась в своем развитии как психолог, психотерапевт и специалист в области бессознательной динамики отношений. Я бы даже сказала, что моему развитию способствовали именно занятия диалоговой терапией. Работая в этой области вместе с моим мужем, а затем и с другими терапевтами, я много раз наблюдала, как происходит трансформация взаимоотношений партнеров и соответствующий переход: от крушения иллюзий и обычного бессознательного конфликта в борьбе за власть – к близости, сознательному конфликту и проведению переговоров, свидетельствующих о зрелой зависимости. Используя в процессе работы с семейными парами эту ограниченную по времени форму терапии, мы можем наблюдать, как отношения, связанные с мучительными страданиями, которые вызваны постоянной проективной идентификацией с болезненным бессознательным материалом, подавляющим и сковывающим семейную пару, стремительно превращаются в открытое межличностное взаимодействие, когда каждый из партнеров ощущает себя личностью, свободной от проекций. Проведение диалоговой терапии доставляет глубокое удовлетворение и может служить превосходной иллюстрацией работы с эмоционально заряженными бессознательными темами.

Изменения в отношениях супружеской пары, пришедшей на диалоговую терапию, происходят в течение нескольких лет. Женщина все еще испытывает гнев, но уже меньше идентифицирует себя с ведьмой или стервой. Теперь она чувствует, что имеет право на гнев, но вместе с тем ощущает себя более беспомощной и отчаявшейся, потому что разрывается между желанием иметь свой собственный голос и боязнью почувствовать себя виноватой после того, как она выскажет свое мнение. Мужчина чувствует себя более растерянным и менее героическим, чем обычно. Теперь он приходит на терапию не для того, чтобы сделать жену счастливой, а потому, что считает, что он «всегда что-то делает не так» и не может «угодить своей жене», хотя при этом пытается сделать все, что от него зависит, чтобы наладить с ней отношения. Следовательно, основная негативная проекция, возникающая у женщины, – это представления о своем партнере как о «маленьком мальчике», который не может или не хочет вырасти. А мужчина, в свою очередь, видит в своей жене «критика», который часто бывает прав.

Семейная пара такого типа развивается посредством дифференциаций и интеграций своих проекций, как, например, Луиза и Ларри в книге «Ведьмы и герои».

Мне очень приятно, что эта книга переведена на русский язык, и я надеюсь, что ее содержание во многом созвучно борьбе, которая происходит в наше время в российских семейных парах. Я была бы рада услышать от российских коллег об опыте их применения моих идей и методов с целью улучшения отношений между мужчиной и женщиной.

По моему мнению, психотерапия семейных пар дает неоценимый опыт нам, терапевтам, так как мы проникаем в сущность наших собственных отношений и наших жизней намного быстрее, чем при работе с индивидуальными клиентами. Работая с парами, мы наблюдаем динамику их взаимоотношений со стороны; работая с индивидуальными клиентами, мы создаем поле отношений и наблюдаем его изнутри. В таком случае я могу надеяться на то, что, прочитав эту книгу, вы получите новые инсайты в отношении вашей личности, ваших отношений, вашего понимания вопросов пола и вашей работы с семейными парами, обусловленной характерными для России XXI в. новыми веяниями.

*Полли Янг-Айзендрат, доктор философии.
Уочестер, Вермонт. Октябрь, 2004*

Глава 1. Использование фольклора в психотерапии

Когда речь идет о достижении человеком окончательной свободы, чтобы посвятить себя тому... что... он считает смыслом своей жизни... эта свобода станет достижимой лишь тогда, когда у человека сформируется умение любить, predeterminedное... и его биологией, и его культурой.

– Гарри Стэк Салливан¹

Контекст этой книги создает легенда, повествующая о силе и слабости, о борьбе и героизме. Это одна из наиболее известных историй о рыцарях Круглого Стола, но она не имеет отношения ни к войнам, ни к сражениям, ни к битвам с драконами. Это романтическая история о леди Рагнель и сэре Гавейне, и хотя в ней есть место и вызову, и противоборству, в ней нет ни слова о смерти или соперничестве. Это героическая эпопея, правда, из тех, которые были более известны в средние века, чем в наше время. Это повествование о страхе, риске и опасностях, свойственных отношениям между людьми, особенно между людьми разного пола. Уважение к чужой независимости как к своей собственной, внимание к потребностям тех, кто с нами рядом, – вот главный урок, который мы должны усвоить.

В этой легенде отражена особая проблема человеческой жизни – проблема базового доверия в близких отношениях между двумя взрослыми людьми: мужчиной и женщиной. Эта поучительная история достигает своей цели, увлекая нас так же, как она увлекала слушателей в XV в. благодаря присущему ей юмору и изяществу образов.

Как юнгианский психотерапевт, я стала использовать легенды и народные сказания так же, как в самые разные исторические эпохи их использовали люди, принадлежавшие и к самой примитивной, и к самой изысканной культуре. В народных преданиях скрыта глубинная мудрость, и люди, читая и пересказывая их, постигают сущность человеческих отношений и передают из поколения в поколение опыт мирного сосуществования людей. Я использую легенды и сказки с той же целью. Эти истории помогают мне почувствовать то, что не удастся постичь разумом. Слушая рассказ человека о своей личной жизни на психотерапевтическом сеансе или на сеансе психоанализа, я стараюсь найти место этому рассказу в контексте других понравившихся мне универсальных повествований. Слово карты с очертаниями типичной человеческой судьбы, эти истории указывают нам путь прохождения через кризисы и переходные периоды обычного человеческого жизненного цикла. Рождение, детские привязанности, переход от юношества к взрослости, взрослые привязанности и переживание потерь в преклонном возрасте – все эти периоды являются критическими в развитии человеческой личности. Во время перехода на качественно новый уровень происходит дезинтеграция и реинтеграция личности. Для продолжения своего развития человеку необходимо пересматривать свое отношение к смыслу жизни, свои эмпатии и мотивации. Основные задачи, названные Куном при описании структуры научной революции «изменение парадигмы», традиционно считались и сложными, и опасными². Люди должны зависеть друг от друга и от своего социального окружения, чтобы свободно и осмысленно переходить от одного этапа развития к другому. Сказания и легенды – это путеводные карты, доставшиеся нам в наследство от других эпох и сообществ; они могли бы сделать процесс перехода на новый уровень развития менее болезненным для индивида. Но в современном обществе мудрость веков остается невостребованной: мы уже не

¹ Helen Swick Perry, *Psychiatrist of America: The Life of Harry Stack Sullivan*, p. 334.

² Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions*.

видим необходимости в основанных на здравом смысле наставлениях, которые можно почерпнуть в народных преданиях и легендах.

Мы используем с моим котерапевтом разные варианты истории о сэре Гавейне и леди Рагнель, найденные в английских литературных источниках XV–XVI вв., чтобы определить проблему и помочь в ее решении тем семейным парам, у которых нарушены межличностные отношения: взаимная привязанность и базовое доверие. Обычно такая проблема возникает в среднем возрасте, как правило, после тридцати пяти лет, или в ином возрасте, но на той же стадии личностного развития. Когда в отношениях взрослых людей возникает кризис, связанный с утратой близости и взаимной привязанности, они испытывают чувство отчаяния, поражения, обиды, тоски и горечи (ощущение холодной неутрахающей боли). Каждый из супругов говорит о внутреннем одиночестве, которое он испытывает; каждый чувствует, что связан отношениями, которые вряд ли будут его удовлетворять, зато потребуют ответственности и выполнения определенных обязательств. Оба партнера пытаются справиться со своей неудовлетворенностью, так или иначе отправляясь «пожить в дремучий лес». Например, женщина может подолгу не разговаривать с мужем и детьми, а мужчина находит другую женщину «на стороне» и полностью отказывается от роли мужа и отца семейства. Супруги живут в привычном для обоих конфликтном стиле отношений, и оба считают себя связанными взаимными обещаниями, которые были даны при вступлении в брак, но теперь противоречат обоюдному желанию разойтись.

Анализируя историю о сэре Гавейне и леди Рагнель, мы увидим, как женщина реагирует на утрату базового доверия. Д. Винникотт определяет базовое доверие и как «непрерывность бытия», и как уверенность в том, что другой человек полностью удовлетворяет его или ее основные эмоциональные потребности в сфере межличностных отношений³. В данном случае понятие базового доверия является синонимом привязанности и в первую очередь связано с введенными Д. Боулби⁴ понятиями привязанности и потери в человеческих отношениях.

Привязанность ребенка к родителю – это поле первичных межличностных отношений, в которых архетипы Великой Матери и Ужасной Матери актуализированы в обычных человеческих отношениях. В следующей главе я поясню, в каком ключе используются мною юнгианские понятия «архетип» и «комплекс». Пока же, для того чтобы рассмотреть понятие базового доверия, нам вполне достаточно образов Великой и Ужасной Матери, богини-прорицательницы и страшной ведьмы: они помогут нам увидеть характерные черты привязанности, исследованием которой мы займемся. В частности, если женщина, у которой сформировано базовое доверие, постоянно ощущает поддержку или внимание со стороны мужчины, она воспринимает себя как значимую личность. Мы ощущаем себя личностью как представители человеческого рода, когда являемся творцами собственной жизни и приносим пользу другим людям, когда добиваемся успеха и получаем общественное признание. Мы чувствуем себя достойными членами человеческого общества, если ответная реакция наших партнеров подтверждает наше ощущение собственной компетентности, значимости и ценности.

Образ Великой Матери как властительницы и кормилицы является источником позитивного эмоционального знания человека о том, что его любовь является «доброй». В межличностных отношениях это знание дает человеку уверенность в том, что его любит, поддерживает и о нем заботится другой человек, – то есть позитивное самоощущение. Все мы нуждаемся в Великой Матери, чтобы чувствовать, что наша забота является щедрой и доброй. Образ Ужасной Матери как свирепой богини или ведьмы – это источник негативного чувства, эмоционально переполняющего человека, который узнает, что его любовь порочна, и чувствует себя

³ Более полно с концепцией Винникотта «непрерывности бытия» можно ознакомиться в книге: Mary Davis and David Wallbridge, *Boundary and Space: An Introduction to the Work of D.W. Winnicott*.

⁴ John Bowlby, *Attachment and Loss*, vol. 1.

злым, отталкивающим, подавляющим и разрушающим. И негативная, и позитивная привязанности дают силу и власть; обе необходимы в отношениях, но ни одна из них не должна доминировать в личностной идентичности. Как и другие архетипические состояния, Великая Мать и Ужасная Мать являются переходными переживаниями идентичности, которые более «всеобъемлющи», чем конкретная личность.

История о сэре Гавейне и леди Рагнель дает общее, но вместе с тем ясное и конструктивное описание проблемы идентификации с ведьмой, или Ужасной Матерью. Ведьма, мегера или стерва в современных межличностных отношениях семейной пары – хорошо известный в психотерапевтической литературе образ доминирующей, властной и подавляющей матери, которая стремится контролировать семейную жизнь любой ценой, не считаясь с мнением других членов семьи. Анализируя легенду, мы научимся уважать ведьму и принимать ее противоречивость. Мы узнаем, что в случае утраты базового доверия, когда все рациональные способы решения проблемы потерпели неудачу и оба партнера испытывают внутреннее одиночество и отчужденность, мы должны прислушаться к ведьме. Только она знает ответ, дающий возможность восстановить доверительные отношения.

Наша легенда – это дар, суть которого невозможно объяснить рационально. Люди, которые прежде читали такие сказания только ради удовольствия, будут удивлены, узнав, что подобную историю можно использовать для серьезной психотерапевтической работы – изучения отношений в семейных парах, – и реального объяснения многих явлений современной жизни, и это с учетом, что родилась легенда не менее 500 лет назад. Возможно, что это брачный контракт, созданный в его настоящем виде еще в средние века, привязывает нас к давно прошедшим временам. Возможно и то, что эта история несет свой смысловой заряд на таком фундаментальном общечеловеческом уровне, что легенда преодолевает все временные и культурные границы, сохранив свою актуальность вплоть до наших дней. И, как настоящий дар, эта старинная легенда становится своеобразным увеличительным стеклом и дает нам возможность рассмотреть явление, которое юнгианцы называют обесцениванием фемининности.

Перед тем как мы вернемся к сэру Гавейну и леди Рагнель, я рассмотрю некоторые юнгианские и феминистские концепции и понятия, которые помогут создать необходимый контекст для моего прочтения и интерпретации этой истории.

Значение архетипической фемининности

В соответствии с поставленными перед нами целями обозначим *архетипическую фемининность* как область человеческих отношений и проявления заботы. Это сфера сохранения естественной для человека жизни в социальной группе. Иными словами, архетипическая фемининность связана с присоединением, сопричастностью и привязанностью к людям, идеям и событиям. Напротив, *архетипической маскулинности* свойственно обособление и отделение. Маскулинность характеризуется стремлением к разрыву связей, обособлению и направленной на выживание агрессивностью по отношению к природе и людям. Маскулинности свойственно разделение и размежевание, ведение войны и установление границ, а также склонность к анализу людей, событий или идей, в противовес чувству единения с ними. Высказывание антрополога Пегги Сэнди, которая исследовала различия в проявлении властности в зависимости от пола на материале более 150 племен и современных сообществ, позволяет лучше понять эти различия, их зависимость от человеческих отношений и культуры:

Поражает, в какой степени представители обоого пола соответствуют базовой природной симметрии, основанной на первичных половых различиях. Женщины рожают и растят детей; мужчины изготавливают оружие и убивают. Они демонстрируют результаты совершенных ими убийств (убитых животных, человеческие головы или скальпы), испытывая ту же гордость, с какой женщины держат на руках новорожденного младенца. Если жизнь и смерть входят в необходимые условия бытия, то мужчины и женщины вносят равный вклад (но совершенно разными способами) в непрерывность бытия, а следовательно, и непрерывность культуры⁵.

Так как до сих пор не существует ответа на серьезный антропологический вопрос, насколько архетипические темы «первичных половых различий» действительно соответствуют половым доминантам (т. е. фемининности женщин и маскулинности мужчин), я не считаю, что женщины и мужчины воплощают эти архетипические области в своей гендерной идентичности. Точнее, я пришла к выводу, что и фемининность, и маскулинность потенциально доступны каждому полу как в плане идентичности, так и в сфере поведения.

Наша легенда помогает понять, что происходит с близкими отношениями при обесценивании обычных повседневных дел, связанных с проявлением внимания и заботы: ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей, поддержанием эмоционального контакта, сглаживанием конфликтов, обид и восстановлением уязвленного самолюбия. Женщинам и мужчинам, сознательно или бессознательно обесценивающим эту деятельность, свойственны привычные типы отношений, которые в юнгианской психологии связаны с понятием *негативного материнского комплекса*. Этот комплекс характеризуется наличием поведенческих стереотипов, идей, образов и чувств, связанных с избеганием близости, нежеланием проявлять заботу и получать знаки внимания от других людей. Таким образом, негативный материнский комплекс связан с идеей обесценивания или исключения фемининности из идентичности и поведения того или иного человека.

В современном обществе мужчины склонны обесценивать как собственную внутреннюю фемининность, так и фемининность в женщинах. Многие черты фемининности считаются проявлением слабости с точки зрения традиционной мужской гендерной идентичности. Поэтому мужчины борются за исключение всякого сходства с женщинами, а также с необходимостью проявлять заботу и внимание, чтобы сохранить особую мужскую идентичность. Социо-

⁵ Peggy Sanday, *Female Power and Male Dominance: On the Origins of Sexual Inequality*, p. 5.

лог Нэнси Ходороу отмечает, что следствием обесценивания фемининности стало характерное для нашей культуры воспитание детей, осуществляемое исключительно женщинами:

Выполнение естественной материнской роли влияет и на развитие маскулинных и фемининных черт личности, и на относительный статус каждого пола... Пока женщинам приходится жить жизнью своих детей, а мужчины не вносят настоящего вклада в социализацию и не создают приемлемые ролевые модели, женщины будут продолжать воспитывать сыновей, идентичность которых связана с обесцениванием как внутренней, так и внешней фемининности⁶.

Так как именно женщины в основном занимаются воспитанием детей дошкольного возраста, голос женского авторитета приобретает властные тона. Мужчины отличаются от женщин не просто своей объективностью и рационализмом; они часто испытывают страх, который Карен Хорни назвала «смертельным страхом перед женщиной», и чувствуют, что должны бороться с фемининностью (и внешней, и внутренней), чтобы ощутить хоть какую-то силу своей мужской идентичности.

С другой стороны, женщинам приходится соединять в себе как обесцененные, «второстепенные» аспекты фемининности, так и проецируемые на них властные черты женского авторитета. Женщина чувствует себя одновременно слишком слабой и слишком сильной в проявлении материнской заботы и материнской власти. Когда базовое доверие остается низким, а обесценивание фемининности – высоким, женщина склонна полностью идентифицировать себя с негативной, «второсортной» и могущественной Ведьмой, мегерой или Ужасной Матерью.

Маскулинной гендерной идентичности в западном обществе присущи следующие признаки обособленности: мужчины стремятся быть рациональными, независимыми, объективными и принципиальными. Когда мы, женщины, критикуем мужчин, то называем их слишком отстраненными; мы считаем их отчужденными, холодными, бесчувственными и чересчур серьезными. Как правило, мужчина работает далеко от дома и семьи, следовательно, его профессиональная деятельность остается недоступной для восприятия женщины, ее внутреннего мира и эмоциональной сферы. Мужчин редко называют очень заботливыми, уступчивыми или галантными. Слова, означающие проявление женского внимания и материнской заботы, редко относятся к мужской идентичности, даже когда мы критикуем мужчин.

Мужчины исключают фемининность из своей идентичности гораздо активнее и энергичнее, чем женщины – маскулинность. На самом деле женщины могут и вполне готовы принять некоторые аспекты маскулинности, начиная с внешнего вида (ношение брюк и галстуков) и кончая мужскими функциями, такими, например, как выполнение отцовских обязанностей по отношению к своим детям или принятие на себя обязанностей главы семьи. Мужчины не готовы в той же степени принять некоторые аспекты фемининности: они не могут носить платья, юбки или женские украшения, не ощущая своей экстраординарности (даже в относительно свободных от предубеждений социальных группах). Мужчины крайне неохотно используют свой интеллект для решения сложных задач, связанных с домашним хозяйством, например, для поддержания чистоты в доме или ведения здорового образа жизни. В отличие от женщин, которые способны интегрировать свою внутреннюю маскулинность и успешно делают это, мужчины в западном обществе не готовы интегрировать фемининность.

Мужское доминирование в принятии решений и преобладание мужчин на руководящих должностях еще больше способствуют исключению фемининности из мужской гендерной идентичности. Пока мужчины доминируют в сфере социальных отношений (начиная с

⁶ Nancy Chodorow, "Being and Doing: A Cross-cultural Examination of the Socialization of Males and Females", in V. Gornick and B.K. Moran, eds., *Woman in Sexist Society: Studies in Powerlessness*, pp. 290–291.

семьи и кончая крупными социальными институтами) и стремятся исключить из этой сферы и женщин, и фемининность, они будут связывать свою идентичность с «высшими» и приоритетными качествами маскулинности. Пока в нашем обществе возможности женщины ограничиваются проявлением заботы, эмоциональным участием и сферой общения и не поощряются высокими постами, возможностью влиять на принятие решений или материально (например, в денежном выражении), люди не смогут свободным образом сформировать свою истинную идентичность. В настоящее время и мальчики, и девочки ориентируются на «высшие» качества и виды деятельности, которые присущи маскулинности: объективность, рассудительность, властность, способность анализировать и силу. Чтобы подтвердить свою принадлежность к женскому полу, девочкам приходится быть чувствительными, зависимыми и эмоциональными. Часто принятие «второсортной» фемининности является причиной серьезных психологических расстройств, и, прежде всего, снижения самооценки, так как женские черты и качества в западном обществе ассоциируются со слабостью.

Современные мужчины и женщины преисполнены святой веры в разумную, прославленную объективность и в осененную ею науку. Поэтому многие проблемы и опасности, грозящие современной культуре, могут быть поняты в свете идеала мужской гендерной идентичности и соответствующего обесценивания фемининности. Свидетельством тому является наша эмоциональная сдержанность и агрессия по отношению к чужим людям; мы стесняемся открыто проявлять боль и печаль, зато совершенно свободны в выражении агрессии и собственного превосходства. Популярны мужские кинозвезды – от Джеймса Бонда до Вуди Аллена – занимают отстраненным самонаблюдением и всегда могут рационально объяснить свои действия, даже если такое объяснение – лишь невротическая рационализация. Мы имеем всего несколько (если имеем вообще) приемлемых ролевых моделей для мужчин, выполняющих функции жены или матери. Более того, мы редко спрашиваем себя: «Почему?», – а просто принимаем как должное, что только женщина может играть и мужские, и женские роли. Так как все наше общество привыкло доверять только научно обоснованным, лишенным эмоций фактам, мы не воспринимаем ту информацию, которая заложена в произведениях культуры и которую пытаются донести до нас голоса, исходящие от земли и живой природы. Наша связь с космосом опосредована фактами об «энергиях», «дырах» и «больших взрывах». Хотя эти понятия и названия могут звучать мифически, они не воспринимаются как исполненные таинства мифы, которые действительно могут указывать путь человечеству.

Наши мужчины, выполняющие функции партнера и отца семейства, в большинстве своем делают это неохотно и с трудом, не отвечая эмоциональным потребностям женщин и детей, которые находятся рядом с ними. Проводя терапию семейных пар, мы пришли к выводу, что мужчины вообще не способны слушать, понимать или сочувственно воспринимать эмоционально окрашенную информацию. Вместо этого они пускаются в пространные рассуждения или находят множество аргументов в свою защиту, соглашаясь понимать лишь рациональные, строго сформулированные сообщения о том, «что случилось» или «что нужно сделать».

Теперь мы готовы обратиться к истории о сэре Гавейне и леди Рагнель, в основе которой лежит вопрос: «Чего действительно хочет женщина?» Этот вопрос в большей степени, чем любой другой, направляет нас при проведении терапии семейных пар, утративших в своих отношениях базовую привязанность и доверие. Более того, этот вопрос ведет нас к освобождению и переоценке как внутренней, так и внешней фемининности и в нашей жизни, и в жизни всех мужчин и женщин, ибо направляет нас в самое сердце нашей человечности и фокусирует наше внимание на доверительных отношениях. Наши неудачи в создании семьи (которую не следует воспринимать как идеальную ядерную семью), наше небрежное отношение к человеческим и природным ресурсам, наше неверие в возможность сотрудничества с людьми из других сообществ и наши завышенные требования, предъявляемые к близким людям и партнерам, – все это вместе взятое обесценивает проявления нашей обыкновенной заботы. Даже

мощная оборонительная система на основе ядерного оружия (по иронии судьбы тип оружия имеет такое же название, как наша базовая семейная система) – это отдельная часть маскулинного способа обособления и отсутствие связи со своим собственным и с чужими Я. Но перспектива ядерного холокоста не считается «мужской проблемой», точно так же, как кухня и дети не являются «работой для женщины». Реальная возможность «холодной войны» в семье, доминирование мужчин в принятии решений и наши повседневные заботы имеют отношение ко всем нам. И всякий раз, когда наша базовая привязанность к другому человеку «изнашивается» и становится чрезвычайно слабой, давайте остановимся и посмотрим, о чем нам может поведать старая легенда⁷.

⁷ Есть несколько версий легенды о Сэре Гавейне и Леди Рагнель, самой известной из которых является история *Wife of Bath* in Chaucer's *Canterbury Tales*, записанная около 1478 г. Эта версия несколько отличается от, вероятно, оригинальной народной баллады Средней Англии *The Weddyng of Sir Gawen and Dame Ragnell*, записанной около 1450 г. и сохраненной в рукописи, датированной началом XVI в. Эта же история с некоторыми изменениями рассказывалась как баллада *The Marriage of Sir Gawain*, сохранившаяся в рукописи Перси Бишопы, датированной серединой XVII в. Еще одна версия существует в сборнике Gower's *Confessio amantis* под названием «Tale of Florint». Используемая мной версия частично основана на моей работе с семейными парами, но в основном взята из сборника, изданного Ethel Johnson Phelps под названием *The Maid of the North and Other Folktale Heroines* (полностью она приведена в Приложении 1). Одно существенное различие между версией Фелпса и оригинальной версией (которую можно найти в сборнике Donald Sands, ed., *Middle English Verse Romances*) – это высказывание Рагнель, что Гавейн должен захотеть взять ее замуж. В средневековой балладе Рагнель просто спрашивает, возьмет ли Гавейн ее замуж, чтобы спасти Артура. Она не упоминает о том, что выбор остается за Гавейном. Это единственное существенное различие между двумя версиями, имеющее отношение к данной мной интерпретации.

Сэр Гавейн и леди Рагнель: чего действительно хочет женщина?

Однажды король Артур отправился на охоту в северные края, в Инглвудский лес, где он долго гнал белого оленя и в конце концов поразил его стрелой. Только Артур собрался добить раненое животное, как вдруг из чащи появился страшный человек, похожий на лесное чудище. Он представился как сэр Громер Сомер Жур и пригрозил немедленно зарубить короля своим топором. Потрясенный Артур ответил, что у него нет оружия для поединка, и тогда сэр Громер загадал ему загадку и дал ровно 12 месяцев, по истечении которых король должен был либо дать ответ, либо вернуться обратно в лес и принять смерть. Растерянный и ошеломленный, Артур отправился домой.

Когда он вернулся в замок, только сэр Гавейн, единственный из всех рыцарей Круглого Стола, смог выпытать у короля, что же произошло в лесу. Артур неохотно описал подробности этой ужасной встречи, а потом поведал о том недоумении, в которое повергла его загадка сэра Громера. Громер велел королю Артуру дать правильный ответ на вопрос: «Чего больше всего на свете желает любая женщина?»

Поскольку и Гавейну, и Артуру вопрос показался весьма нелогичным, они предположили, что в нем скрыт какой-то подвох. Но Гавейн был настроен оптимистично и сказал: «В конце концов, у нас есть еще целый год, чтобы задать этот вопрос всем жителям королевства. Один из ответов обязательно окажется верным». Однако у короля такой уверенности не было.

В течение целого года Артур и его рыцари собирали всевозможные ответы, опрашивая всех без исключения подданных. Когда, наконец, они снова собрались в замке и сравнили записи, у Гавейна появилась уверенность, что один из ответов наверняка будет правильным. Артур, однако, очень сомневался в том, что на такой каверзный вопрос можно найти верный ответ. Когда до окончания назначенного срока оставалось всего несколько дней, король снова оказался в Инглвудском лесу, неподалеку от того места, где год назад он подстрелил оленя.

Неожиданно из чащи леса вышла жуткая старуха и представилась: «Я леди Рагнель». Она с вызовом заявила Артуру, что *знает* о том, что у короля нет правильного ответа на загадку. Артур удивился фамильярности старой карги: он не мог понять, откуда она узнала о том, что с ним случилось. «Женская дерзость!» – это было все, что пришло ему в голову. Настойчивость мерзкой старухи повергла короля в изумление. Леди Рагнель уверяла, что только *она* может дать правильный ответ, так как является сводной сестрой сэра Громера и знает то, чего Артур знать не может.

Король Артур и сам не был убежден в правильности собранных им ответов, поэтому пообещал ведьме лучшие земли королевства, золото и драгоценные камни в обмен на верный ответ. Но Рагнель отказалась от этого богатства: «На что мне золото и драгоценные камни? Но если твой племянник Гавейн согласится взять меня замуж, я дам тебе правильный ответ. Таково мое условие». Артур сказал, что не в его власти распоряжаться судьбой племянника. Гавейн – свободный человек, а потому поступает, как хочет. Рагнель ответила, что она не требует, чтобы Артур отдал ей племянника; она хочет лишь предложить Гавейну такую сделку и посмотреть, как тот поступит.

Король заявил, что не может позволить племяннику стать заложником этой тяжелой ситуации, но, вернувшись в замок, все рассказал Гавейну. Видя растерянность своего дяди, Гавейн пожалел его и поклялся, что женится даже на самом дьяволе, чтобы спасти жизнь короля. Они вместе отправились в лес к Рагнели, и Гавейн дал согласие жениться на старухе, если ее ответ спасет королю жизнь.

В назначенный день Артур и Гавейн молча выехали из ворот замка и отправились на встречу с жутким сэром Громером. Сверкая глазами и держа в руке топор, Громер слушал, как

Артур читал один за другим все собранные им ответы. Ни один из них не был правильным, и Громер уже был готов опустить свой топор на голову короля, как вдруг Артур выпалил ответ, подсказанный ему Рагнелью: «Каждая женщина больше всего на свете хочет иметь независимость – полное право распоряжаться своей жизнью!»

Услышав это, Громер удалился обратно в лес, изрыгая злобную брань в адрес своей сестры. Он знал, что сам Артур никогда бы не нашел правильного ответа.

Артур и Гавейн возвращались домой в глубоком молчании. И только леди Рагнель была в хорошем настроении. Вечером в замке состоялся брачный пир, на котором присутствовали все рыцари и дамы королевства. Все они чувствовали неловкость и смущение и потихоньку отпустили колкости в адрес безобразной невесты. Но Рагнель была невозмутима: она ела с большим аппетитом, веселилась от души и явно получала удовольствие от всего происходящего.

Позже, в покоях для новобрачных, Рагнель сказала Гавейну: «Твое отношение ко мне достойно похвалы – я не чувствую ни неприязни, ни жалости. Теперь подойди и поцелуй меня».

Сэр Гавейн подошел к ней и поцеловал мерзкую ведьму прямо в губы – и надо же! Пред ним предстала очаровательная молодая женщина с прекрасными серыми глазами. Она улыбнулась и спросила: «Ты предпочитаешь, чтобы я оставалась такой, как сейчас, в своем настоящем облике, или приняла прежнее обличье?» – «Конечно, в настоящем облике... Я имею в виду... Какая ты красавица!» – запинаясь, вымолвил Гавейн. Но затем он воскликнул сердито: «Это что еще за колдовство? Что здесь происходит?»

Леди Рагнель объяснила, что была заколдована братом за смелость и непослушание. Проклятие заключалось в том, что Рагнель должна была пребывать в облике безобразной ведьмы, пока величайший рыцарь Британии не согласится добровольно на ней жениться. Артур отправился охотиться в Инглвудский лес, подаренный им Гавейну, но прежде по праву принадлежавший сэру Громеру, и эта ошибка короля стала для леди Рагнель первой возможностью снять с себя страшное проклятие.

Вне себя от радости, Гавейн бросился к молодой жене, восклицая: «У тебя это получилось! Ты освободилась от проклятия своего злого брата, и теперь ты – моя возлюбленная супруга!»

«Подожди! – перебила его Рагнель, – я должна тебе сказать, что снята только часть проклятия. Мой друг, ты должен сделать выбор. Я могу быть такой, как сейчас, в течение дня, а по ночам в наших брачных покоях ты будешь видеть мое прежнее уродливое лицо. Или же ночью, в супружеской постели, я буду прекрасной дамой, а днем опять стану отвратительной ведьмой. Ты не можешь сделать так, чтобы я всегда была одной и той же. Хорошо подумай, прежде чем сделать выбор».

Гавейн застыл, обдумывая смысл сказанного, но его молчание длилось лишь одно мгновение. «Это твой выбор, Рагнель, так как он связан с твоей жизнью. Только ты можешь это решить» – таков был ответ сэра Гавейна.

Услышав его, Рагнель засияла от радости. «Мой дорогой, – сказала она, – ты ответил правильно, и теперь проклятие снято полностью. Последнее условие заключалось в том, что, если я стану женой величайшего рыцаря Британии и он без колебаний предоставит мне право распоряжаться моей жизнью, прежний облик окончательно вернется ко мне. Теперь я свободна и могу быть красивой и днем, и ночью».

Так началась супружеская жизнь сэра Гавейна и леди Рагнель.

Испытание изменением

Некоторые из самых интересных и поучительных тем этой очаровательной истории не очень понятны современной аудитории. Например, людям, жившим в XV в., был хорошо знаком образ ведьмы, если говорить об ее специфической психологии. Ведьма – отвратительная женщина: властная, злая и навязчивая. Она обладает магической силой и уносит по ночам в заоблачные выси мужчин или детей, чтобы утром оставить их совершенно измученными или даже мертвыми. Обычно она безобразно толстая – поперек себя шире, покрыта бородавками и другими отвратительными наростами, на голове носит старый чудной чепец, похожий на потертую растрепанную циновку, который иногда называют «зелеными волосами из сорняков». Внешность ведьмы и ее действия не столь страшны, как ее магическая сила (иногда ведьма может выглядеть даже смешной и нелепой). Но она способна высасывать душу из людей, которые целуют ее в губы, а если человек смотрит ей прямо в глаза, то рискует лишиться собственной воли. Зная эти черты и качества ведьмы, мы можем по достоинству оценить героизм Гавейна, который, недолго думая, обнял и поцеловал леди Рагнель. Если бы она была настоящей ведьмой, ее поцелуй мог бы убить храброго рыцаря. Наконец, ведьма никогда не плачет по-настоящему, проливая слезы. Она только притворяется плачущей и потому выражает свое страдание посредством зловещего хихиканья, насмешек и презрения. Понятно, что никто не может обнять ведьму, если не имеет достаточного мужества, – спасая жизнь своего дяди, Гавейн проявил настоящий героизм.

В средние века Гавейн и Артур были популярными персонажами многочисленных народных сказаний и баллад. Так же, как нашим современникам хорошо известны Джеймс Бонд или Вуди Аллен, выдающиеся представители современной англо-американской культуры, так же и людям, жившим в XV в., были хорошо известны король Артур и сэр Гавейн. Артур – рациональный герой: сильный, гордый, хотя иногда слишком консервативный. В этой истории, как и в некоторых других балладах, король Артур изображен стареющим или даже дряхлым и слегка чудаковатым. Ему предназначена комическая роль старого патриарха, который все время остается в тени, вдохновляя молодых рыцарей «отправиться на поле брани». Король заботится о своем племяннике Гавейне и часто говорит о том, что по чистоте помыслов и добродетелей Гавейн превзошел его самого.

Будучи собирательным образом, Гавейн является выразителем куртуазных идеалов средневекового рыцарства. Например, в знаменитом поединке с Зеленым Рыцарем Гавейн проявляет смелость и отвагу, трепетное отношение к чувствам женщин, верность и постоянство в своей преданности. Лишь изредка он проявляет некоторую слабость и уязвимость, сначала пытаясь уклониться от поединка с Зеленым Рыцарем, а потом принимая соблазнительные «дары» от его жены. Мужской куртуазной любви присуще особое сочетание эмоциональной уязвимости и рыцарского мужества. Как в средние века, так и в более поздние периоды развития английской культуры отношения между мужчиной и женщиной приветствовались и церковью, и светским обществом, и назывались «сердцем человеческой культуры»⁸. Гавейн – это типичный средневековый герой; он, возможно, ближе к Вуди Аллену, чем к Джеймсу Бонду, но во многом отличается от подавляющего большинства современных рациональных мужских персонажей. Гавейн может полностью отдаться своим эмоциям, он способен сочувствовать страданиям женщины и с готовностью откликается на любую просьбу прекрасной дамы. Современным популярным персонажем, которому присущи некоторые черты характера сэра Гавейна, является Зорба, главный герой произведения Казанцакиса «Грек Зорба». Гавейн не столь энергичен и любвеобилен, как Зорба, но и восприимчив к переживаниям женщин,

⁸ C.S. Lewis, *The Allegory of Love*.

несмотря на свой прагматизм и рациональные идеалы. Как правило, Гавейн появляется, чтобы проверить свою рыцарскую отвагу в поединке, что ведет его либо к блистательной победе, либо к небольшому поражению, как это случилось при встрече с Зеленым Рыцарем.

Интерпретируя образы Артура и Гавейна с позиций юнгианского психолога, я полагала, что их объединяет героическое устремление, и такой душевный настрой героев сохраняется вплоть до самого конца истории, когда проклятие, наконец, снято. Гавейн как сознательный персонаж (т. е. действующий по своей собственной воле) воплощает открытость, мужество и стремление идти вперед, во тьму неизвестности брошенного ему вызова. Но ему не всегда удается здраво оценить ситуацию, не хватает зрелости и объективности. Артур дополняет героический образ Гавейна столь необходимой тому объективностью и авторитетом патриарха. Артур, как король, соблюдает традиции: он является властным, рациональным и консервативным правителем. Артур привержен героическим идеалам, но они исходят из головы, а не из сердца. В момент опасности Артур попадает в зависимость от энтузиазма и оптимизма Гавейна. В свою очередь, энтузиазм и оптимизм Гавейна зависят от авторитета и одобрения короля. Разумеется, в любом случае неблагоприятно сочетаться браком с дьяволом, если, конечно, речь не идет о спасении жизни короля. Взаимно дополняя друг друга, Артур и Гавейн составляют образ героя, способного *и* рационально решать проблемы, *и* поступать в соответствии с идеальным кодексом чести. И до тех пор, пока Гавейн не встретится лицом к лицу с ведьмой – один на один, в комнате новобрачных, без Артура, он не сможет осознать глубины проклятья, заложником которого его сделал собственный энтузиазм. Не имея ясного представления о принятом им вызове, Гавейн остается тесно связанным с Артуром (и с патриархальной традицией). Только Рагнель может освободить Гавейна от Артура и сделать его «по-настоящему свободным мужчиной».

Даже после первого знакомства с этой историей нам следовало бы обратить внимание на то, как проявляется у каждого из наших героев гнев, вызванный ощущением бессилия перед лицом возможной потери. Вспомним ультиматум разъяренного сэра Громера, стычки Рагнели с Артуром, Гавейна и Рагнели и, наконец, открытый вызов, который бросила Гавейну Рагнель. *Испытание изменением перед лицом неизбежной потери* – это главная эмоциональная тема нашей легенды. Подобная проблема встает перед каждым человеком на том этапе развития личности, когда люди впервые сталкиваются с неожиданными потерями: смертью, разводом, расставанием, болезнью или уходом из дома взрослых детей. Смерть или болезнь стареющих родителей, проблемы со здоровьем и физическая немощь, расставание в результате развода – это примеры тех потерь, которые заставляют людей среднего возраста обращаться за помощью к психотерапевту.

По мнению Юнга, главная задача личностного развития человека среднего возраста – это необходимость уравновесить его одностороннее развитие в первой половине его жизни. У мужчин поиск этого внутреннего равновесия обычно предполагает интеграцию в личностную идентичность тех аспектов «вытесненной фемининности», которые называются *анимой*. Женщинам необходима интеграция «вытесненной маскулинности», или *анимуса*. Таким образом, развитие личности в среднем и более старшем возрасте заключается в изменении прежнего способа адаптации и осознанной интеграции многого из того, что ранее считалось привычками или зависимостью от других людей.

Юнг полагал, что личностное развитие мужчины требует отказа от позиции одинокого и отстраненного «героя», а также признания важности межличностных отношений и своей зависимости от других людей. Ситуация женщины оказывается прямо противоположной: для ее личностного развития необходим переход от приспособленческой и зависимой позиции к самостоятельности и независимости. Кросс-культурные исследования, проведенные Дэвидом Гутманом в отношении стилей проявления Эго среди европейских и неевропейских народов, подтверждают юнгианскую идею об изменениях в способах адаптации к условиям жизни в

зрелом возрасте⁹. Согласно заключению Гутмана, мужчины демонстрируют тенденцию к переходу от активного хозяйского» стиля, присущего молодому возрасту, к пассивному «приспособленческому» стилю. У женщин изменения в проявлении Эго заключаются в переходе от пассивно-приспособленческого стиля к более активному, «влиятельному». В своих исследованиях Гутман не рассматривает основную осознанную идентичность, или «Я-концепцию». Юнгианская психология делает акцент на том, что возрастные изменения в индивидуальном стиле должны происходить осознанно – чтобы человек мог извлечь максимальную пользу из процесса личностного развития. Обстоятельства, требующие нового способа адаптации, могут изменить сам способ приспособления человека к внешней реальности (например, благодаря происходящим с ней изменениям женщина становится более самостоятельной, ищет возможность самой зарабатывать себе на жизнь и материально не зависеть от мужа), но изменение способа адаптации не всегда изменяет жизненную установку человека. Юнгианское понятие индивидуации, которое означает успешную интеграцию ранее вытесненных или привычных аспектов личности, подчеркивает, что интеграция через осознание – это ключевой фактор успешного психического развития.

⁹ David Gutmann, “The Cross-cultural Perspective: Notes Toward a Comparative Psychology of Aging”, in J. Birren and K.W. Schaie, eds., *Handbook of the Psychology of Aging*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.